

Гузель Магдеева

Жена депутата

RUGRAM
2021

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84.4(2Рос-Рус)
М12

Магдеева Г.

М12 Жена депутата / Г. Магдеева — М. : RUGRAM_
Publishing, 2021. — 288 с. — (Любовь 18+).

ISBN 978-5-517-04778-6

Я согласилась выйти замуж за человека, которого ненавижу! Наглый, циничный, равнодушный Демид Старостин бросил меня пять лет назад, а теперь вернулся в мой город, чтобы встать у власти.

У нас нет ни единого шанса на счастливое будущее, но только ему под силу подарить мне долгожданную независимость.

Вот только что он попросит взамен?

BIC FP
BISAC FIC027010

ISBN 978-5-517-04778-6

© Гузель Магдеева, текст, 2021
© Оформление. LITNETCYlimited,
2021

Глава 1

Сейчас

— Ну ты идешь? — Широко распахнув дверь, Наташка застывает на пороге приемной.

Я шикаю, кивая на кабинет начальника — Володин еще на месте, и он терпеть не может, когда в приемной посторонние. Наташка выразительно стучит пальцем по наручным часам.

Рабочий день закончился десять минут назад, но он и не думает уезжать, а значит, и мне никак.

— Ладно, напишешь, когда его величество отчалит, — уже на пару тонов тише говорит она и плотно прикрывает дверь. Как бы то ни было, начальство злить нельзя.

— Дина, зайди. — Володин словно только того и дожидается, вызывая меня через интерлок.

Я поднимаюсь, одергивая подол праздничного платья, и иду к нему в кабинет. Андрей стоит возле окна, руки сцеплены за спиной, мышцы напряжены так, что заметно даже через строгий костюм. День у него сегодня выдался суматошный, перед летними каникулами в администрации всегда так.

— Звали?

На работе я с ним на «вы», хотя нас связывают не только деловые отношения. Я знаю его уже столько лет, что кажется, будто Володин в моей жизни был всегда. Когда-то мы с ним были любовниками, и иногда я думаю, как обернулась бы моя жизнь, откажи я ему? Одно знаю точно: этот город я бы покинула в первую очередь.

Он оборачивается, устало проводит рукой по своей щеке. Взгляд задумчивый, но я не тороплю его, ожидая, пока заговорит первым.

— Ты знаешь, что Старостин в городе?

В голосе его проскальзывают звенящие нотки напряжения. Слова Володина для меня не новость, и он понимает это по тому, как я безразлично пожимаю плечами.

— Знаешь.

Главное, не показывать свои эмоции, и, кажется, я справляюсь с этим, хотя все внутри при одном только упоминании о Старостине болезненно скручивается. Я все еще пытаюсь собрать себя в одно целое после встречи с ним, мне даже кажется порой, что получилось. Но потом он приезжает сюда, и все рушится, как карточный домик.

Ловлю себя на том, что сжимаю кулаки и насильно заставляю расслабить ладони. Никто не должен догадываться, что я все еще так на него реагирую, особенно — Володин.

Мы стоим с Андреем в метре друг от друга, а я будто в первый раз за последние годы вижу его сейчас по-настоящему. Морщины стали глубже, мешки под глазами от усталости, дневная щетина щедро усыпана вкраплениями седых волос. Слишком много нервничает, слишком мало спит. Цена больших денег и власти. Но он сам выбрал этот путь, да еще и меня за собой тянет.

— Ты же не думаешь?..

— Не думаю, — перебиваю быстро, пока он не продолжил препарировать мои эмоции. Долго мне не продержаться, актриса из меня никудышная. Да и больно, черт возьми, обсуждать это с Андреем.

Он поджигает губы — не привык к подобным реакциям, но эта тема для нас табу. Все эти годы после встречи со Старостиним, как бы Андрей ни пытался забраться ко мне под шкуру, я не поддаюсь.

— Виделись? — настаивает он.

— Андрей, — говорю мягко, но твердо, касаясь пальцами лацкана его пиджака. Поправляю, точно в том существует не-

обходимость. — Я не хочу сегодня говорить о нем. Не в такой день. А лучше вообще — никогда.

— Прости. — Володин спохватывается, а потом неожиданно проводит большим пальцем по моим губам, почти интимно, но я отодвигаюсь, не позволяя жесту стать чем-то большим. — Прости. Тебе идет это платье.

— Спасибо. Ты сегодня идешь на оперу, не забудь, жена наверняка уже ждет.

Андрей чертыхается, бросая взгляд на часы: до начала осталось сорок минут, и я сегодня трижды предупреждала его, но он, естественно, забыл, всегда забывает. Словно в подтверждение моих слов, телефон Володина разливается стандартной айфоновской мелодией, и я почти уверена: на том конце провода его супруга.

— Ладно, иди, не задерживаю больше.

Володин принимает вызов, прощаясь со мной кивком, и я выхожу следом за ним в приемную. Громко хлопает дверь, я наконец остаюсь одна. Можно выдохнуть и расслабить плечи. На внутренней стороне ладони полумесяцами отпечатываются следы от ногтей.

Нужно срочно забить голову чем-то другим, я достаю телефон и отправляю Наташе сообщение, что босс уехал.

«Иду к тебе», — рапортует она в ответ.

Пока жду ее, подхожу к своему столу. На нем пышный букет голубовато-сиреневых гортензий, завернутый в хрусткую бумагу, — знак внимания от начальника, и я задумчиво касаюсь лепестков. Они мягкие, прохладные и пахнут медово-сладко. Наклоняюсь лицом к цветам, вдыхая их аромат, а в голове все крутится наш с Андреем разговор. Володин совсем не рад тому, что Старостин приехал, и в этом нет ничего удивительного, я тоже не рада. Только за меня он так переживает или все же — за себя?

Но думать об этом сейчас нет никакого смысла. Я закрываю кабинет Андрея, выключаю свой компьютер и привожу в порядок приемную.

— Неужели уехал, я думала, не дождусь. — Наташа снова появляется в дверях.

Она совершенно не любит ждать, даже ее рыжие кудри, кажется, подпрыгивают от нетерпения, и шаг ее куда быстрее моего. Пока мы доходим до охраны, где я сдаю ключи от кабинета, она успевает обогнать меня метров на десять.

— Мог бы в такой день и пораньше тебя отпустить.

— Это у меня праздник, а не у Володиной, — резонно замечают я.

Мы выходим на улицу, останавливаясь на ступеньках здания администрации. Справа — белоснежный Кремль, слева — старая часть города с невысокими домами и доброй дюжиной питейных заведений. До кафе, где я забронировала столик, идти совсем недалеко, и после дня, проведенного под кондиционером в закрытом кабинете, густой летний вечер пьянит теплом и свежестью.

— Конечно, Володин твой без тебя не может, — цокает Наташа, а я хмыкаю. Подруга и сама не знает, насколько близка к правде, но эта часть жизни — еще одна запретная тема для разговоров, пусть даже с близкими друзьями.

— А твой даже ручку без тебя на столе не отыщет, — перевожу тему на нейтральную. Начальника своего Наташа обожает, тот хоть и занимает высокий пост, но совершенно рассеян в мелочах. И если бы не помощница, вряд ли он вообще когда-нибудь пришел бы на собрание вовремя. Наташе это нравится. Так она чувствует себя нужной, да и оплачивается ее забота щедро, как и моя: каждая из нас в конце месяца получает по дополнительному конверту за старания, и сумма там гораздо больше наших официальных зарплат.

За столиком на светлой веранде кафе меня уже ждут подруги — Лера и Саша, с которыми я общаюсь еще с институтских времен. Они машут руками, привлекая внимание. К одному из стульев привязана охапка розовых фольгированных шаров.

— Динка, с днюхой! — кричит, ничуть не стесняясь, Сашка, и я улыбаюсь. К черту все мысли, сегодня мой вечер. В конце концов, тридцать лет исполняется не каждый день.

Мы с Наташей устраиваемся на мягких креслах, и еще минут пятнадцать уходит на легкую болтовню и заказ еды. Когда официант устраивает на столе бокалы и бутылку грузинского

вина, я понимаю, что мне стало совсем хорошо. Теплый ветер едва треплет подол платья, играет приятная музыка, и я чувствую себя до неприличия счастливой.

— Дина, я хочу выпить за тебя. — Сашка, смуглая блондинка, точно только что приехавшая с курорта, всегда улыбается. В ее руке бокал, и она встает, чтобы сказать тост. — Вы сидите все, а я сейчас как скажу! Высоко-высоко в горах, — начинает она с акцентом и тут же скатывается на смех. — Ладно, пусть грузинского во мне только два бокала «Хванчкары», тост все же будет. Я от души желаю тебе счастья, моя дорогая. Пусть, наконец, в твоей судьбе появится настоящий мужчина, который будет носить тебя на руках, любить, ценить и одаривать золотом-бриллиантами, ну и чем там еще положено?

Я смеюсь, отмахиваясь от пожеланий скорее выйти замуж, а девчонки все продолжают выкрикивать:

— Красивого!

— Богатого!

— Пусть будет бизнесменом! Нет, депутатом! Отправляем запрос в космос!

— За твое здоровье, Дина, пей до дна!

И я пью, залпом осушая бокал, не сразу замечая, что рядом со мной останавливается парень в джинсовой куртке, а в его руках огромный букет бордовых роз, настолько большой, что это даже кажется неприличным.

— Дина Вадимовна?

Я киваю.

— Это вам.

Смотрю удивленно, не веря, что это цветочное безобразие предназначено мне, а ладони предательски потеют.

— Распишитесь, пожалуйста.

Ставлю подпись автоматом, слышу Сашкино:

— Вот это мгновенная ответочка из космоса.

— Динка, а от кого? Открытка есть? — Наташа с готовностью начинает осматривать цветы, но мы так и не находим ни намек на то, кто бы мог отправить мне букет. Но я знаю, знаю, и сердце заходится в который раз за день. Щедрые жесты в его

духе, но чего он от меня хочет?.. Сам выбросил меня, точно ненужную вещь, а теперь решил, что можно вернуться как ни в чем не бывало?

— Может, Володин? — предполагает Лера, но я отрицательно мотаю головой. Странное дело, цветы должны были обрадовать меня, но я ощущаю только глухую пустоту внутри. Весь флер вечера рассеивается, и я понимаю: нужно ехать домой.

Лера и Сашка уезжают в одну сторону, а нам с Наташей — в другую. Мы решаем вызвать одно такси на двоих, чтобы сэкономить, и пока подруга шурится, пытаюсь набрать наш адрес в приложении такси, я стою с огромным букетом, ощущая, как затекают руки. Надо бы оставить его там, в ресторане, но я не хочу показывать при подругах, что догадалась, от кого он. Так и приходится тащить с собой, ну ничего, выкину перед домом. Мне от Старостина ничего не надо.

— Ты ведь знаешь кто, просто молчишь, — в очередной раз начинает Наташа, но я в ответ лишь закатываю глаза. Она самая догадливая из всех. Надеюсь, ей надоест задавать вопросы, я все равно не расскажу.

Возле нас останавливается черный «мерседес», блестя своим полированным корпусом. Одного взгляда на номера чужого региона достаточно, чтобы понять, кому принадлежит машина. Против воли сердце заходится, я отступаю назад на полшага, упираясь спиной в обалдевшую Наташку, и молчу. Розы теперь кажутся камнем, привязанным к шее, а я будто топиться собираюсь.

Воздуха не хватает от слова «совсем».

Стекла тонированные, и я никак не пойму, он действительно здесь? Выйдет сейчас из машины или это просто совпадение?

От мысли, что он может смотреть на меня, щеки начинают гореть нездоровым румянцем, цветы падают и рассыпаются под ногами, укрывая асфальт. Я все равно не люблю розы.

Хлопает водительская дверь, я вижу, как по широкой дуге ко мне идет мужчина, и его лицо мне слишком хорошо знакомо.

Глава 2

— Здравствуйте, Дина Вадимовна, — произносит Денис, водитель Старостина. Смотрит на рассыпавшийся букет, но о цветах ни слова.

— Здравствуй.

Наташка за спиной так вибрирует от любопытства, что еле сдерживается, и я отхожу от нее на полшага.

— Демид Сергеевич ждет. — Он открывает дверь, приглашая меня в машину. Я вижу пустой салон, в животе все затягивается в тугий узел.

— Сам даже не соизволил? — голос, срываясь, предает меня. Нужно быть спокойнее, в конце концов, столько лет прошло, да и мне не пятнадцать, чтобы так эмоционировать.

Денис молчит, словно давая мне возможность выговориться. А у меня внутри все огнем полыхает. От наглости Старостина — с какой легкой непринужденностью он снова врывается в мою жизнь, точно только по одному щелчку его пальцев я должна забыть, как мы расстались. Как Демид бросил меня и уехал.

— Я не поеду никуда, передай ему, пусть катится ко всем чертям.

Я разворачиваюсь, едва не снеся Наташку. К счастью, она вопросов не задает, только говорит тихо:

— Такси наше приехало.

Мы садимся в белый автомобиль с шашечками на крыше, водитель Старостина загружается в свой «мерседес». Цветы так и лежат красным ковром на дороге перед входом в кафе.

Последнее, что я замечаю, как машина Демида проезжает по ним.

— Только не спрашивай ничего, — прошу Наташу, но она и сама понимает, что любопытство здесь неуместно. Морщусь, отворачиваясь к окну: я же уже большая девочка, почему никак не переболит?

Я ведь всерьез рассчитывала, что время отшлифовало все воспоминания, стерев их остроту. Неправда.